

ДО НЕСКОРОГО СВИДАНИЯ!

Открытое письмо зрителю

Здравствуй, дорогой!
Извини, что давно не писал. Я просто не знаю твоего нового адреса. Ты куда-то пропал. Я уже, грешным делом, подумал — не уехал ли ты совсем? Но надеюсь — нет.

Как живешь? Семья как? Как справляешься с заботами? Здоров ли? Годы-то идут...

Помнишь, было время, мы встречались часто. Я без тебя совершенно не мог обходиться, да и ты баловал своим желанием видиться. Веселые были времена... Хотя... какие, к черту, «веселые»? Встречи-то были почти тайные, секретные, под надзором. Мне, чтобы явиться на встречу с тобой, надо было пройти и цензуру, и десятки разрешений, и просмотры, и приемку, и сколько поправок сделать: порой заранее искалечить будущую встречу, чтобы получить на нее право. А тебе?! Тебе тоже было не легче: билет достать только по блату. А блат дело длинное — ух, какую цепочку взаимных одолжений надо склепать и держать ее крепко, постоянно.

Но зато уж и встречи были! Вспомнишь — как румяный блин с черной икрой съешь.

Мы ж друг друга с полуслова понимали! С полужеста! И потому нам надзор — не надзор, все равно! Я, может, слова скажу, какие положено, но произнесу их так, что ты поймешь — это я лично к тебе обратился, только нас двоих касается, другим не понять. А ты только хмыкаешь в зале, вздохнешь, хохотнешь — я услышал уже: понял, принял, отвечает. Мы, стало быть, вместе! Если мне что смешным казалось, то я уж был уверен, что и ты засмеешься, про серьезное заговорим, то уж шутки побоку и обоим не до смеха.

В те времена не раз пытались нас разлучить: то тебе на меня что-нибудь наговорят, то мне на тебя. То на обоих нас навалятся, да еще ехатно, в газете. Но не удалось им! Мы друг друга крепко держались.

И где только не встречались... ну в Москве, в Ленинграде, это само собой... А помнишь, сколько раз в Горьком (он теперь Нижний Новгород)? А в Свердловске? (От еще Свердловск или уже?..) В Ижевске? (Потом Устинов, теперь опять Ижевск.) А в Магнитогорске-то, в Магнитогорске как сидели! Этого не забыть... Магадач, 79 год... Сахалин... Да! В Нью-Йорке — слышу твой смех в зале! У меня сердце заколотилось — тогда я и подумал, не эмигрировал ли ты? Я не в упрек, мне просто без тебя оставаться тоскливо. Так вот — слышу: твой смех, твой хмык. Ищу глазами и пойму — то ли ты, то ли не ты? Но, надеюсь, обзвонился. Ты где-то здесь, поближе.

Я вот думаю — что же это в последнее время нас так развело? Ведь все же здорово! Ни тебе запретов, ни проверок и блата не надо, чтобы билет достать. Ну, цены повысились маленько, это да... Но ведь и мороженого теперь стаканчики не по 15 копеек, что поделаешь...

Может, просто постарели оба и из дома от телевизора уходить неохота? Может, жить стали друг от друга далеко, города разрослись, транспорт скверный... Отчасти это, но не то, не то, не главное... Как же так — свобода, а мы видиться перестали? Это ж первые — свобода-то! Это, может, и не навсегда! Чего же мы не пользуемся?!

Тут приходят частенько разные... от твоего имени, приветы передают и говорят:

— Он, зритель, дескать, желает отдохнуть, о... устал и ничего... такого... не воспринимает.

— Какого «такого»?

— Ну... вот этого... он, — говорят, — хочет эротички и чтоб попроще, и чтоб побогаче, пожутчее и с песнями...

Мелькнула мысль — может, действительно ты так изменился, что уж вовсе на себя не похож, или, может, я от жизни отстал? Погоревал я, а потом думаю — быть не может, клевета.

— Где он? — говорю. — Дайте с ним встретиться. (Я, знаешь, фильм сделал для тебя про нас с тобой.) Дайте, — говорю, — я его ему покажу.

— Нет! — говорят. — Он хочет смотреть фильмы только остросюжетные, американские.

Я говорю:

— И я не против! Но не все же время?

— Нет! — говорят. — Он хочет все время.

— Но не в каждом кинотеатре?!

— Нет! — говорят. — В каждом!

И правда: приехал я, знаешь, в родной Ленинград. Иду по Невскому. Названия кинотеатров все с детства родные: «Баррикады», «Аврора», «Титан», «Октябрь»... а вот афиши — тут все так ново... точно не помню, но вроде: «Ужас в ночи», «Мертвец выходит на связь», «Дуло в глотке», «Зарыть живьем!», «Шило в заднице»... и еще вдобавок более мелкими буквами: «авантюрный фильм ужасов с обширными элементами узкоинтимной эротички. Монопольное право показа принадлежит кооперативу «Аллергия» (3-я линия В. О., д. 51, кв. 9 и Нью-Форд компани, завод автомобильных пылесосов, Детройт, Биг-Гаури, то есть Большая Гурьевская, 1273)». Рискнул спросить: а я вот свой фильм для своего зрителя вам послал... а? Не дошел, говорят, почта плохо работает. Ну, что поделаешь?! С Детройтом, значит, связь лучше.

Знаешь, что я замечаю? Так сильно, как теперь, нас с тобой и в застойные времена не разделяли. Тогда от запретов возникало сопротивление и усиливалось взаимное желание видиться. А теперь вроде наша власть — твоя и моя. Я что хочу делаю, ты что хочешь смотришь. Только как-то буксует все на месте: я все меньше делаю, а ты все меньше смотришь.

Закрутились мы... Отчасти сами виноваты... А отчасти... ПЕРЕДАТОЧНЫЙ МЕХАНИЗМ — вот в чем суть! Он тяжелый, мощный, тормозящий! Старый вроде отмер, почти не действует, но новый нарастает со страшной скоростью. Раньше этот «передаточный» требовал, чтобы я тебя учил правильно жить. Теперь требует, чтобы я дал тебе то, чего ты хочешь. Вроде демократично, а? Чего же ты хочешь? Те, кто называет себя твоими представителями, новые монополисты, говорят, что ты хочешь: наркоманов, мафии, насилия, мистики, сенсационных разоблачений, эротички... Дело даже не в том, что весь этот набор мне не по нраву, даже не в этом дело. А вот в чем: мы ведь дружили. Дружили по-настоящему. И если я теперь превращусь в угодливого официанта, исполняющего любой заказ, — какая же тут дружба? Ни мне этого не нужно, ни тебе. Да, да! И тебе тоже. И я не верю твоим «представителям». Те-то, прежние, тоже всегда говорили от твоего имени. А они нам просто навязывают свой вкус. Я не откликнусь на их призыв. Лучше давай повременим со встречей. Ведь ужасно будет, если когда-нибудь ты явишься и застанешь меня со сверкающими наркотическими глазами, с пистолетом в зубах, делающим телодвижения с обширными элементами эротички.

Договоримся так: встречу не торопим. Я продолжаю работать, пока есть силы и пока есть возможности. Впрок, не требуя немедленного отклика. Ты тоже трудись и живи, как живется. Я уверю, что дождусь тебя.

Желаю тебе счастья, здоровья, сохранения твоих душевных свойств. Столь дорогих мне. Свидимся после.

Пиши мне по прежнему адресу, не реезжать не собираюсь.

Привет семье и всем общим друзьям.

Обнимаю.

До нескорого свидания
твой Сергей ЮРСКИЙ

Р. S. Тебе шлют приветы и мою идею поддерживают...

(Кто желает подписаться?)

Лит. зав. — 1981. — 24 июля (229) — С. 4

182